

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-38-50>

Экзистенциальное и архитектурное пространство в мире человека: гендерный аспект

Алла Васильевна Юрьева

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия, 4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Введение. Пространство выступает как базовая категория для многих явлений человеческого мира, поэтому полноценное понимание и его анализ возможны лишь при учете нахождения человека в нем. Целью исследования становится необходимость проследить тесную взаимосвязь человеческого бытия и пространства, их взаимовлияния и взаимозависимости. Актуальность работы связана с необходимостью укрупнения категории пространства в гендерном аспекте бытия. Научная новизна заключается в попытке систематизировать накопленные знания в области исследования категории пространства и его гендерных характеристик.

Методология и источники. Методологической базой работы являются философский и культурологический анализ. Основной подход в работе – междисциплинарный. В качестве источников были использованы философские тексты, связанные с проблемой пространства (М. Хайдеггер, М. Фуко, М. Мерло-Понти, Г. Марсель) и гендера (Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ю. Кристева), теоретические работы по архитектуре (А. Иконников, А. Некрасов, К. Норнберг-Шульц, А. Габричевский), а также некоторые социологические труды (П. Бурдьё, М. Вильковский, С. О. Хан-Магомедов). Отдельные работы по семиотике (У. Эко) и вопросам метафоризации в культуре (О. Фрейденберг, Е. С. Кубрякова) оказали ощутимую помощь при подготовке статьи.

Результаты и обсуждение. Пространство, являясь фундаментальной онтологической категорией, исследуется в различных аспектах гуманитарного дискурса. История культуры показывает подвижность категорий «мужественность» и «женственность», следовательно, возникает закономерный вопрос о регулярном пересмотре этих понятий, влияющих на пространственную характеристику бытия, в конкретную историческую эпоху. На основе анализа работ из области антропологии, изучения тела и гендера, а также путем выявления особенностей формирования архитектурного пространства можно сказать, что существует тесная взаимосвязь между пространством и человеком. Показано, что тело является фоном познания мира и самого индивида, поэтому оно выступает основой при формировании гендерной метафоры. При изучении работ архитекторов был сделан вывод о невозможности уловить специфически женскую или мужскую манеру в их профессиональной деятельности, так как перед зодчим в первую очередь стоит конкретный заказ и определенные технические задачи.

Заключение. Пространство как базовая характеристика человеческого существования предстает в бытии человека и как коммуникативная сфера. Первичный телесный опыт пространства, данный от рождения, во многом определяет фон познания мира. Более того, пространство может нести гендерно маркированную либо гендерно нейтральную информацию, что дает повод говорить о проблеме восприятия и влия-

Юрьева А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

нии на человека. Это возможно проследить через метафору архитектурного языка, способы организации пространства, выделение цветом, формой, конструкцией. Архитектуру отличает от других видов искусства большая зависимость от социальной реальности, ее порождающей, поскольку она в силу своей специфики является частью жизненной среды человека.

Ключевые слова: пространство, архитектура, жизненное пространство, телесность, гендер, метафоризация

Для цитирования: Юрьева А. В. Экзистенциальное и архитектурное пространство в мире человека: гендерный аспект // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 38–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-38-50.

Original paper

Existential and Architectural Space in the Human World: Gender Aspect

Alla V. Yurieva

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St Petersburg, Russia,
4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Introduction. Space acts as a basic category for many phenomena of the human world. Therefore, a full understanding and analysis of space is possible only when we take into account the presence of a person in it. The purpose of the study is the need to trace the close interrelation of human existence and space, their mutual influence and interdependence. The relevance of the paper is connected with the need to enlarge the category of space in the gender aspect of being. The research novelty consists in the attempt to systematize the accumulated knowledge in the field of the study of the category of space and its gender characteristics.

Methodology and sources. The methodological basis of the work are philosophical analysis and cultural analysis. The main approach in the work is interdisciplinary. We used as sources philosophical works related to the problem of space (M. Heidegger, M. Foucault, M. Merleau-Ponty, G. Marcel) and gender (G. Marcuse, M. Foucault, J. Derrida, J. Lacan, Ju. Kristeva), theoretical works on architecture (A. Ikonnikov, A. Nekrasov, K. Nornberg-Schultz, A. Gabrichesky), as well as some sociological works (P. Bourdieu, M. Vilkovsky, S.O. Khan-Magomedov). Separate works on semiotics (U. Eco) and the issues of metaphorization in culture (O. Freudenberg, E.S. Kubryakova) provided tangible assistance in the preparation of this text.

Results and discussion. Being a fundamental ontological category, space is explored in various aspects of humanitarian discourse. The history of culture shows us the mobility of the categories “masculinity” and “femininity”, therefore, a natural question arises about the regular revision of these concepts, that affect the spatial characteristics of being in a specific historical epoch. In the course of the study, the following results were obtained. Based on the analysis of works from the field of anthropology, the study of the body and gender, as well as by identifying the features of the formation of architectural space, we can say that there is a close relationship between space and person. Our research shows that the body is the background of cognition of the world and the individual oneself, therefore it acts as the basis for the formation of a gender metaphor. We have studied the works of architects, and it was concluded that it is impossible to “catch” a specifically feminine or masculine

manner in the professional activity of an architect. The reason is that, first of all, the architect is faced with a specific order and certain technical tasks.

Conclusion. As a basic characteristic of human existence, space appears in human existence also as a communicative sphere. The primary bodily experience of space, that a human being gets from birth, largely determines the background of cognition of the world. Moreover, the space can carry gender-marked or gender-neutral information, and that gives us a reason to talk about the problem of perception and influence on a person. This can be traced through the metaphor of the architectural language, the ways of space organizing, highlighting with color, shape and construction. Therefore, architecture is distinguished from other types of art by its great dependence on social reality that generates it, since it is a part of the human living environment.

Keywords: space, architecture, living space, physicality, gender, metaphorization

For citation: Yurieva, A.V. (2022), "Existential and Architectural Space in the Human World: Gender Aspect", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 38–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-38-50 (Russia).

Введение. Проблема пространства была широко исследована в различных научных отраслях. Особенное внимание уделялось ей в гуманитарных дисциплинах, где одной из магистральных проблем стало укрупнение пространственных переживаний человека, проявляющееся в различных аспектах его существования. Постклассическая философия определяла тело как фон познания мира. Как следствие развития этой мысли возник закономерный вопрос о взаимосвязи телесности человека и пространства, окружающего его. Более острое звучание эта концепция приобретает на современном этапе развития, когда гендерные стереотипы претерпевают серьезные изменения, вследствие чего в культуре стирается четкая дихотомия мужского и женского начал, наблюдается поворот к андрогинным ценностям. Современная культура все больше характеризуется переходом от интеллектуальности к телесности, от вербальности к зрительному образу. Проблема пространства в мире человека, способы его структурирования и метафоризации привлекают к себе интерес исследователей с новой силой.

Цель данной работы – стремление проследить тесную взаимосвязь человеческого бытия и пространства, их взаимовлияния и взаимозависимости. В этом контексте была поставлена задача: акцентировать внимание на телесном опыте человека как ближайшей к нему пространственной характеристики. Из чего закономерно проистекала необходимость провести анализ гендерной метафоры, связанной с пространством, в соответствии с культурными представлениями эпохи (на примере советского быта, деятельности женщин-архитекторов).

Научная новизна заключается в попытке систематизировать накопленные знания в области исследования категории пространства и его гендерных характеристик с помощью междисциплинарного подхода.

Актуальность работы связана с несколькими факторами. Во-первых, с необходимостью укрупнения категории пространства в гендерном аспекте бытия. Во-вторых, с описанием действительно значимого влияния пространства на формирование гендерных представлений в бытии человека.

Методология и источники. Представленные в работе выводы основаны на культурфилософском анализе первоисточников, исследовательской литературы, конкретных объектах

архитектурного наследия. Исследование базируется на достижениях философской, культурологической, семиотической, антропологической, исторической мысли. Для анализа использованы архитектурные объекты как отечественного, так и мирового наследия.

Результаты и обсуждение. Пространство наряду со временем – это неотъемлемый фактор человеческого существования. По словам И. П. Касавина, «теории пространства и времени в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира и выражают их в специфических параметрах, таких как “верх” и “низ”, “центр” и “окраина”, “поверхность” и “глубина”, “удаленность” и “близость”, “старость” и “молодость”, “опережение” и “отставание”, которые нередко фиксируются уже на уровне обыденного сознания. Они разъясняют, в каких именно координатах и векторах описываются динамика и статика человеческого бытия» [1, с. 91]. Однако вопросы понимания и актуализации проблемы пространства обостряются в техногенном мире с новой силой. Это связано с экзистенциальными трудностями, которые ранее не имели такого острого характера. Например, мировой локдаун 2020 г. и значительные ограничения 2021 г., связанные с пандемией, создают прецедент, в котором пространство подвергается осмыслению с новым интересом. Здесь поднимаются вопросы замкнутости/открытости, виртуальности/реальности, опасности/безопасности пространства, которые требуют философского, исторического, социального, психологического, культурологического анализа. Можно сказать, что пространство современного человека – это открытое поле, на котором сталкиваются различные смыслы, тенденции, установки.

Вначале стоит определиться с тем, как будет пониматься экзистенциальное пространство в контексте данной работы. Экзистенциальное пространство – это пространство подлинного существования человека, связанное с личностными переживаниями окружающего мира. Как уместно было отмечено: «Если в социальном пространстве человек зачастую нейтрально относится к течению своей жизни, спокойно реагирует на не имеющие отношения к удовлетворению его сиюминутных потребностей объекты и явления, то в экзистенциальном пространстве приходится говорить не о проживании, а о переживании, ибо все, что в экзистенциальном пространстве происходит, переживается максимально эмоционально» [2, с. 189]. Таким образом, экзистенциальное пространство – это некий «отпечаток» реального пространственного окружения человека, сотворенный из личностного восприятия, иногда вносящий в него свои качественные характеристики.

Также нужно понять, что такое архитектурное пространство. По словам А. В. Иконникова, «архитектурное пространство – преобразованная часть окружающего пространства, гармонично сформированная материальными элементами, которая вмещает человека и обеспечивает условия для организации его жизнедеятельности, образуя при этом основу художественного языка и эстетической ценности архитектуры» [3, с. 267]. Но стоит заметить, что под архитектурным пространством чаще всего подразумевается именно материальная часть объекта, которая дает человеку возможность осуществлять свою деятельность. Есть и другая сторона – перцептивная, для которой характерны удобство и адекватность восприятия конкретного пространства (личного или общественного). В итоге возникает эмоциональный контакт, идущий от определенного объекта архитектуры напрямую к индивиду.

Эволюция представлений о пространстве берет начало из философского знания и в процессе своего развития обретает строго научный статус благодаря становлению математики и физики. В рамках гуманитарных дисциплин к XX в. мы имеем достаточное количество концепций, исследующих пространство в узкопрофессиональном ракурсе, что позволяет говорить о более полном, в сравнении с прошлым, описании знания о нем.

Например, в прошлом веке большое внимание уделялось анализу воздействия пространства на человека. В работе Зигфрида Гидиона «Пространство. Время. Архитектура» [4] подвергается анализу форма архитектурного сооружения. Этот первичный способ коммуникации между объектом и индивидом создает максимальный информационный поток. Важной в этом контексте считается работа «Теория архитектуры» А. И. Некрасова [5], в которой автор ищет прямую зависимость между конкретным периодом в истории, развитием культуры и эстетических приоритетов с доминирующей в это время концепцией пространства. Поэтому «пространственность» понимается им как способ взаимодействия человека с материальным миром. Исследование архитектурного пространства с точки зрения феноменологии впервые было осуществлено К. Норберг-Шульцом, который разработал идею «экзистенциального пространства» и «пространства жизненного опыта». В теории символического интеракционизма (П. Бурдье, Э. Гидденс) делается попытка объяснить специфику фундаментальных взаимосвязей архитектуры с человеческими мыслями, эмоциями и поведением. Авторы полагают, что эта теория способствует лучшему пониманию пространства.

Как видим, отдельные аспекты пространства были исследованы в различных гуманитарных дискурсах. В контексте взаимосвязи пространства и человеческого бытия изучение гендера в культуре и философии обретает важный смысл. Этот исследовательский материал огромен, особенно увеличиваются подобные работы в современном научном поле. Значительное влияние на становление гендерной проблематики в философии оказало неклассическое направление (Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан). Истоки постмодернистских гендерных теорий находим в произведениях Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», С. Де Бовуар «Второй пол». В работах Ж. Ф. Лиотара фокусируется проблема семантики пола и цензурирования сексуальных отношений. Феноменология (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) привнесла новое понимание тела как источника смыслов, в частности, тело выступает как «выражение и смысл» у Гуссерля и «как плоть междумирья» у Мерло-Понти. Гендер как культурную метафору рассматривают исследователи Л. Ирригарей, Э. Сиксу, Ю. Кристева. Интересная интерпретация звучит в работе «Гендер и архитектура» Луизы Дурнинг и Ричарда Рингли.

Список работ по проблеме пространства и гендера можно продолжить, что еще раз подтверждает глубокий интерес к ней и достаточную научную разработанность. Однако в современном дискурсе вызывает тенденция переосмысления и доработки большинства классических и неклассических теорий, что требует применения междисциплинарных подходов к проблеме пространства.

Исходя из такого богатого исследовательского интереса к проблеме пространства, очевидно, что осмысление его должно рассматриваться совместно с различными экзистенциальными вопросами. В силу того, что человек непрерывно пребывает в пространственных оппозициях, его положение часто дихотомично, начиная с пространства семьи, заканчивая

социальным измерением пространства. И в действительности такие пространства не стоит рассматривать как четкую геолокацию индивида, ведь они предполагают очень непростую и разветвленную систему социальных отношений.

Эта проблема показана в ряде антропологических исследований (К. Леви-Стросс, М. Мид и др.), из которых можно сделать вывод, что пространственное освоение мира и формирование представлений пространства в культуре связаны с его символическим описанием. Более того, первичный опыт пространственной организации наделен эмоциональной выразительностью, связан с ритмом жизни и ритуалом. Широкий спектр чувственных ощущений информирует человека о ценности и значимости пространственного окружения. Следовательно, развиваясь внутри культурного целого, индивид не просто усваивает опыт, но и строит собственный, в котором пространство не может оставаться нейтральным. Оно устанавливает социальные различия, определяет и переопределяет поведение, обуславливает представления, обеспечивает основания для конструирования и распространения идеологии. Оно является механизмом, через который достигается распределение и циркуляция тел, осмысливает и определяет социальные отношения.

В культурной антропологии существует богатая традиция описания символизации пространства, которая является одной из черт сознания. Через бинарные оппозиции мифологическое сознание пыталось упорядочить свой жизненный мир. «В такой картине мира присутствует широко известный ряд бинарных оппозиций: верх–низ, свет–тьма, правое–левое природа–культура, активность–пассивность, логика–эмоции. Левая категория – это атрибут мужественности, а правая – женственности. Каждому из полов приписывают набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского начал в общественном и индивидуальном сознании», – пишет Н. А. Хорошильцева [6, с. 5]. Подобная дихотомия мужского и женского четко прослеживается в пространственных представлениях, а следовательно, она способствует формированию ориентации и поведения человека в пространстве (например, разделение дома на мужскую и женскую половины, кухня – как место женского труда и так далее).

В самых древних строительных формах присутствовали представления о мире со всеми его характеристиками, имеющими значение для биологической адаптации человека. То есть архитектурная форма в своем существовании с самого своего зарождения обязательно связывается со знаниями об организации мира. Так, в строительстве дома имманентно присутствует идея сотворения мира – в соответствии с мифологическими, религиозными, космогоническими и космологическими знаниями и представлениями в данный исторический период. В. В. Федоров достаточно точно высказался на этот счет, сказав, что дом «вызывает богатейшие ассоциации с телом и мыслью человека» [7, с. 27].

Допустим, пространство комнаты, в которой проводится значительная часть жизни, становится ярким образцом маркировки пространства через дихотомию мужского и женского. Так как комната – это ближайшее к человеку пространство, оно является тактильным, т. е. все вещи имеют в нем место только по отношению к определенной чувствительности, в которой доминируют ощущения и переживания. Таким образом, комната, по мнению В. Подороги, – это «продолжение телесного образа и от него неотделима, поэтому по отношению к ней человек никогда не занимает позиции “перед”, “над” или “сбоку”, но всегда внутри, а комнатная предметность – вокруг» [8, с. 289].

Именно тело формирует фон познания и бытия мира, являясь основой постоянства нашего присутствия в мире, присутствия окружающих объектов и особенности нашего взгляда на мир. Но в отдельности ни тело, ни существование не могут считаться подлинником человеческого бытия, так как оба они предполагают друг друга, и тело есть обобщенное существование, которое является в то же время непрерывным воплощением. Ж.-П. Сартр задается вопросом: чем же является тело для меня самого? И отвечает: «Мое тело является сознающей структурой моего сознания» [9, с. 351]. Оно не постигается само для себя, оно лишь точка зрения и отправная точка, поэтому «сознание не престаёт “иметь” тело» [Там же].

Концепция тела или воплощения как основа онтологической укорененности в мире занимает ключевую позицию в философии. Проблема воплощения рассматривается в работе Г. Марселя «Метафизический дневник» (1928–1933) [10], где он представляет своеобразный тезисный план метафизики тела, реализованный в его последующей философии. Центральную позицию философа можно выразить следующим образом: экзистенциальный взгляд на реальность возможен только как точка зрения воплощенной личности. Воплощение представляется единственным условием всякого экзистенциального опыта. Именно тело вводит в реальность непосредственное окружение. Именно благодаря телу человек вторгается в мир, понимает его и наделяет его значениями.

Исходя из идей таких философов, как М. Хайдеггер, М. Мерло-Поти, Дж. Лакофф, Дж. Батлер, Л. Иригарей, можно сказать, что опыт сознания проистекает из телесного опыта и что у человека есть только один ресурс, который может быть задействован в работе сознания, – опыт тела. Описывая тело как субъект восприятия, Мерло-Понти подчеркивает его специфическое значение: являясь продолжением мира, состоя из той же плоти, что и мир, будучи вплетенным в ткань мира, тело является «мерой всего», «универсальным измерителем». Именно тело, а вместе с тем и человеческая субъективность поддерживают целостность и гармонию мира. Постмодернистская теория основывается на постулате «мир – это текст», значит, реальность в нашем сознании представляет собой социально и лингвистически сконструированный феномен. В этом контексте следует обратиться к процессу метафоризации пространства в культуре.

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [11] метафоры структурируют наше мышление. Они определяют восприятие внешнего мира и ценностей. Используя метафоры, человек трансформирует свои знания, «формурует» их. Что касается метафоры пола, фундаментальной для любой культуры, то она, безусловно, способствует познанию мира и себя. Что мы подразумеваем под гендерной метафорой? Прежде всего, это перенос совокупности физических и духовных качеств и свойств, объединенных словами «женственность» и «мужественность», из сексуальной сферы в сферу «внеполовую».

Как показывает история культуры, каждая историческая эпоха формирует собственные метафоры мужского и женского начала, которые выражают идеи «женственности» и «мужественности» и выступают в качестве смыслообразующих элементов. Мы можем наблюдать, как ролевые функции мужчин и женщин в обществе подвергаются серьезным изменениям, а это означает, что в культуре нет четкой дихотомии «мужских» и «женских» принципов, а есть сдвиг в ту или иную сторону. Для современной культуры характерен переход от интеллектуальности к телесности, от вербальности к визуальному образу. Как

же подобная тенденция отражается на пространственной характеристике человеческого существования?

Интересное исследование гендерной метафоры в современной культуре было проведено С. М. Михайловым и Ю. М. Филимоновой в работе «Гендерные метафоры в архитектурной среде современного города». Авторами проводится любопытный анализ объектов архитектуры на предмет метафорического переноса гендерных представлений. В статье говорится: «В современном городе можно выделить три слоя гендерных метафор по принципу сгенерировавшей их гендерной модели. Первый слой – исторический (вплоть до середины XIX в.), является отражением патриархальной гендерной модели, которая немыслима без иерархичной организации и главенствующей роли маскулинного гендера. Второй слой – модернистский (XX в.) – сознательное избегание вопросов пола, принцип равенства и подотчетности государству, служение высшей цели. Модернистская архитектура вырабатывает собственную эстетику, масштаб. Третий слой – наиболее современный (конец XX – начало XXI в.) – признание различий и равноценности феминного и маскулинного, отсутствие жесткой привязки к полу и нормативности гендера, трансформация категории феминное, сближение гендеров» [12, с. 92].

Итак, исходя из этой градации, можно сделать некоторое умозаключение: феминность/маскулинность – это динамические, исторически изменчивые концепты. В различные эпохи и в различных культурах они по-разному осмысливались и осмысливаются в сознании их носителей. Следовательно, и пространство меняет гендерный контекст в зависимости от социокультурных изменений времени.

Для примера можно углубиться в пространство советского быта, о котором написано немало исследовательских работ, литературных произведений, снято немало кинолент. Архитектура крупных общественных построек того времени является выразителем идей, которые вели к формированию нового идеала советского человека. Основой новой морали в молодом государстве была объявлена теория «стакана воды». Долгое время ее появление приписывали А. Колонтай, полагавшей, что социализм непременно уничтожит буржуазную семью. Но оказалось, что корни ее гораздо глубже, и их не стоит привязывать исключительно к созданию нового советского государства. Историческая семья со всем ее отягощениями в виде обязательств, бесправности женщины и даже полного ее порабощения домашним бытом и подчинению одному мужчине была объявлена пережитком эпохи. Все это, по мнению феминистки, убивает свободу, любовь, а самое главное – отвлекает от построения советского общества.

Чрезмерное обустройство частной жизни в таких идейных конструкциях воспринималось как «обывательство», проявление индивидуализма, эгоцентризма, пережитков буржуазного прошлого. Размножившиеся в огромном количестве коммунальные квартиры представляли собой пространство совместного проживания, в котором частная жизнь граждан становилась объектом повседневного контроля и надзора, семейная приватность оказывалась почти прозрачной. Все пространство делилось на две части – места общего пользования, поведение в которых жестко регулировалось распорядком, и комнаты жильцов – относительно автономное пространство проживания. Здесь сразу вспоминаются яркие семейные сцены в коммуналках из советской литературы и кинематографа. Можно сказать, что коммунальное сообщество обретает масштаб расширенной семьи.

Если отойти от коммунального сожительства в отдельно взятой многокомнатной квартире и привести пример более грандиозных проектов по организации коллективного бытования, то можно увидеть оригинальные экземпляры, ведь экспериментов с организацией пространства в то время было действительно много. Архитектурный государственный заказ выполнялся по всей стране, поэтому примеры таких построек мы находим в разных регионах. Жилой дом на Новинском бульваре в Москве (М. Гинзбург, И. Милинис, 1928–1930), жилой комбинат – поселок для горняков Анжеро-Судженского каменноугольного района (дипломный проект Н. Кузьмина, Томский технологический институт, 1928–1929). В 1928 г. архитекторы М. Барш, В. Владимиров, А. Пастернак, Г. Сум-Шик создают проект нового типа общественных построек – жилой ячейки типа F, переходную модель с элементами коллективного пространства. В этих домах впервые были использованы новые строительные материалы, и проведен пространственный эксперимент (масштаб комнаты по отношению к человеку, зрительное расширение интерьера за счет световых решений и цвета). В отличие от домов-коммун с полным обобществлением быта, ячейка типа F считается переходным типом постройки, где изолированные квартиры для каждой семьи будут сочетаться с общественными помещениями. Из этих удивительных архитектурных фантазий видно, что пространство советского человека должно было оставаться максимально гендерно нейтральным. Уравненное положение женщины по отношению к мужчине подразумевало освобождение ее от «рабского» бытового труда. Архитектурно это выразилось в отсутствии достаточного кухонного пространства в новых домах-коммунах и строительство отдельных бытовых корпусов неподалеку от основного. Это решение оказалось крайне неудобным. Жильцы, стремясь к долгожданному уединению, не хотели посещать столовые, а готовили пищу дома. Эти строительные объекты являются богатным предметом для изучения и дают показательную картину конкретного исторического периода.

Стоит отметить, что от советского прошлого в нынешней культуре осталась обширная часть гендерно нейтральных пространств (школы, детские сады, библиотеки, научные центры, парки, детские площадки), однако эта тенденция претерпевает любопытные преобразования. К пространствам с изменяющимся гендерным содержанием в современной культуре можно отнести: женское/мужское купе в поезде, барбершоп/парикмахерская, клубы, ранжируемые по сексуальным предпочтениям. В целом, все это говорит о подвижности гендерной маркировки пространства в зависимости от развития культурных и социальных доминант.

Если попытаться взглянуть на проблему пространства и гендера с точки зрения деятельности архитектора, которая всегда считалась полем для мужских амбиций, то здесь стоит быть аккуратным с выводами. В действительности женщин-архитекторов не так много, однако они есть и весьма успешны в профессии. Одной из первых заявила о себе Плайтилла Бриччи еще в XVII в. в Италии. Ее имя известно в архитектурных кругах, и творчество расценивается как талант большого профессионала. В одном ряду с ней можно перечислить и представительниц других эпох и стран: София Хейден, построившая «Женское здание» для Всемирной выставки 1893 г., Оливия Ленн, занимавшаяся проектированием образовательных учреждений в Финляндии, Элиза и Айно Аалто – обе супруги знаменитого финского архитектора-модерниста были солидарны в своей профессии с мужем. Из заметных зодчих Советской России можно назвать Римму Петровну Алдонову, которой были

подвластны и проекты типовых зданий, и эскизы уникальных для своего времени построек. Галина Михайловна Жирмунская была крупнейшим представителем в советском строительстве, ее деятельность касалась реализации различных архитектурных объектов.

Из современных авторов невозможно не упомянуть Одиль Декк – икону стиля, провокаторшу и бунтарку. Ее архитектурная манера выделяется на общем фоне необычностью и внешаблонностью. Свою профессиональную личность она сформировала вопреки желанию родителей, социальным установкам и традиции. Декк понимает архитектуру как заботу о человеке, его теле и считает, что в современном мире необходимо пересмотреть принципы человеческого существования. Ведь архитектура – это сила, которая воздействует на людей, приводит их тела в движение, манипулирует и меняет сознание. Но вершина успеха женской архитектуры, безусловно, принадлежит Захе Хадид, обладательнице Притцеровской премии 2004 г. Мировой известности и признанию ее в профессиональной среде предшествовали долгие годы разрушения стереотипного мышления, где слово «архитектор» не склоняется в женском роде. Творческий метод Хадид воспитан на примерах русского авангарда, а большим авторитетом для себя она считала К. Малевича. Ее стиль отличает «разрушение» привычных конструкций, «спор» с гравитацией и традиционной эстетикой. Большинство ее построек связывают с развитием теории нелинейности. Хадид опиралась на нестандартные стратегии проектного мышления, где отразились новейшие взгляды на мироустройство. Этот опыт привлек к себе внимание необычностью, которая проявляется во внешних характеристиках объекта. Для примера можно привести культурный центр Гейдара Алиева в Баку работы архитектурного бюро Захи Хадид. Этот многофункциональный центр смело можно назвать характерной постройкой новейшего течения в архитектуре.

Возникают закономерные вопросы: существует ли «женская» манера в строительном искусстве и можно ли говорить о гендерном деморфизме в процессе формирования пространства? Существуют ли критерии оценки «мужской» и «женской» архитектуры и, самое главное, кто может такие критерии определить? Анализируя работы не только перечисленных женщин-архитекторов, но и других представительниц этой профессии, таких как Фрида Эскобедо, Элора Харди, Майя Лин, Сийри Вальнер, Пернилле Вермунд, Барбара Белцка, Сьюзан Торр, Кармэн Эспагель, Магрит Мутсо, Франсин Хаубен, Кайя Сирен, Анна Тер-Аветикян, Анна Щетинина, Анжелика Мерзоева (в совокупности около 40 зодчих из разных культур, поколений и стилей), автор приходит к выводу, что исключительно женский стиль, какими бы характеристиками мы его не обозначали, не присущ ни одной из представительниц данной профессии. С первого взгляда невозможно определить, кто является автором конкретной постройки – мужчина или женщина, скорее, можно проследить «руку мастера», но разгадать его пол получится с трудом. Следовательно, можем ли мы вообще рассуждать о гендерных критериях в строительстве? Автор склоняется к тому, что нет. Но стоит заметить, что на этот счет существует и противоположное мнение. Аарон Бецки утверждает: «Заха Хадид не случайно создает чувственные формы, пытается снять противоречие между внешним и внутренним, экстерьером и интерьером. Конечно, она скажет, что это основано на ее теориях, технологии, но не на том, что она женщина...» [13]. Хочется вступить в полемику с известным теоретиком и практиком архитектуры и попробовать не согласиться с этой точкой зрения. Дело в том, что характерная для современного строительства тенденция

нелинейной архитектуры, к которой часто относят постройки Захи Хадид, предполагает смешение авторского стиля, социального заказа, компьютерных возможностей и развития технологий. В действительности работы представителей этого направления неразличимы по гендерному признаку.

Более того, в ряду современных женщин-архитекторов давно назревает тема гендерного неравенства в профессии. В работах Маргарит Пузано и Дениз Скотт-Браун остро звучит феминистская повестка, связанная с неравным положением женщины. Например, Д. Скотт Браун, будучи женой и коллегой известного американского теоретика и практика архитектуры Роберта Вентури, в своей статье «Архитектура: место для женщины» бескомпромиссно высказывается о половом деморфизме в архитектурной среде, сравнивая ее с мужским клубом, в котором нет места женщине. Многие известные идеи Вентури, оказалось, принадлежат именно ей, а по заведомо авторитетному положению мужчины в профессии многие критики просто не могли поверить, что знаменитые «дома-утки» были придуманы женщиной.

В связи с этим хочется сделать следующий вывод. Архитектурные объекты всегда являлись социально значимыми доминантами, фиксирующими базовые ценности и ориентиры общества. Поэтому архитектурное пространство следует воспринимать как часть социального заказа, как попытку найти оптимальное соотношение между субъектом восприятия и окружающими его пространственными объектами. В этом вопросе на первый план выходит идея художественного языка архитектуры, которая связывается с использованием гендерно маркированных выразительных приемов и средств создания образа. Однако каждая эпоха вносит свое осмысление этой проблемы. Надо отметить, что язык архитектуры на современном этапе развития все чаще рассматривается как универсальное средство коммуникации.

Заключение. Следует описать некоторые результаты данной работы. Во-первых, пространство является фундаментальной онтологической категорией, что делает его анализ крайне важным для понимания человеческой экзистенции. В статье показано, какая тесная взаимосвязь существует между пространственными характеристиками мира и человеком. Во-вторых, категория пространства берет свое начало от первичного пространственного опыта человека, т. е. опыта собственного тела. Будучи фоном познания мира и самого индивида, тело выступает основой при формировании гендерной метафоры. Это можно проследить на примерах, идущих от древнейших культур и проявляющихся по нынешний день. В-третьих, на примере гендерных трансформаций пространства советского бытования был сделан вывод об их экспериментальном характере, так как в итоге стремление человека к обособленности, замкнутости, интимности проживания приводит к той же гендерной маркировке пространства. В-четвертых, были проанализированы профессиональные работы женщин-архитекторов в попытке понять, существует ли строго «женская» традиция или манера в строительном искусстве. Автор склоняется к тому, что, скорее всего, ее не существует, так как в большинстве случаев архитектор имеет дело с социальным заказом, определенными техническими возможностями и культурным фоном конкретного исторического периода.

Таким образом, в современном научном дискурсе стоит регулярно пересматривать основные константы пространственных характеристик для выявления взаимосвязи и взаимовлияния человека и окружающего его мира. Так как гендер является системной характеристикой социального порядка, которая постоянно воспроизводится в структурах сознания, это

регулярно трансформирует пространственные характеристики человеческого бытия. В этом контексте одним из актуальных вопросов может стать укрупнение проблемы пространства, проявляющееся в различных аспектах существования современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касавин И. Т. Пространство и время: в поисках «естественной онтологии» знания // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 90–99.
2. Чередниченко И. П. Переживание в экзистенциальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 188–194.
3. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006.
4. Гидион З. Пространство, время, архитектура / пер. с нем. М. В. Леонене, И. Л. Черня. М.: Стройиздат, 1984.
5. Некрасов А. И. Теория архитектуры. М.: Стройиздат, 1994.
6. Хорошильцева Н. А. Гендерная метафора в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2003.
7. Федоров В. В. Проблема восприятия и символического значения пространства. Тверь: ТОТ, 1997.
8. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. В. И. Колядко, М.: Республика, 2000.
10. Марсель Г. Метафизический дневник / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2005.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. Михайлов С. М., Филимонова Ю. М. Гендерные метафоры в архитектурной среде современного города // Известия КГАСУ. 2017. № 2 (40). С. 86–94.
13. Коряковская Н. Архитектурой правит гендер: лекция Аарона А. Бецки на винзаводе // ARCHI.RU. 2008. URL: <https://archi.ru/russia/5752/architekturoi-pravit-gender-lekciya-aarona-a-becki-na-vinzavode> (дата обращения: 30.06.2021).

Информация об авторе.

Юрьева Алла Васильевна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Большая Морская ул., д. 18, Санкт-Петербург, 181186, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия архитектуры, семиотика культуры, пространство и время в философии и архитектуре.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.07.2021; принята после рецензирования 15.09.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Kasavin, I.T. (2000), "Space and time: in search of a "natural ontology" of knowledge", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], no. 1. pp. 90–99.
2. Cherednichenko, I.P. (2010), "Experience in existential space", *Humanitarian vector*, no. № 2 (22), pp. 188–194.
3. Ikonnikov, A.V. (2006), *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [Space and Form in Architecture and Urban Planning], KomKniga, Moscow, RUS.

4. Giedion, S. (1984), *Raum, Zeit, Architektur: Die Entstehung einer neuen Tradition*, Transl. by Leonene, M.V. and Chernya, I.L., Stroizdat, Moscow, USSR.
5. Nekrasov, A.I. (1994), *Teoriya arxitektury* [Theory of architecture], Stroizdat, Moscow, RUS.
6. Khoroshil'tseva, N.A. (2003), "Gender metaphor in modern culture", Abstract of Can. Sci. (Philosophy) dissertation, Stavropol State Univ., Stavropol', RUS.
7. Fedorov, V.V. (1997), *Problema vospriyatiya i simbolicheskogo znacheniya prostranstva* [The problem of perception and symbolic meaning of space], TOT, Tver', RUS.
8. Podoroga, V. (1995), *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The phenomenology of the body. Introduction to Philosophical Anthropology], Ad Marginem, Moscow, RUS.
9. Sartre, Je.-P. (2000), *L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique*, Transl. by Kolyadko, V.I., Respublika, Moscow, RUS.
10. Marcel, G. (2005), *Journal metaphysique*, Transl. by Bystrov, V.Yu., Nauka, SPb., RUS.
11. Lakoff, G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., Editorial URSS, Moscow, RUS.
12. Mikhaylov, S.M. and Filimonova, Yu.M. (2017), "Gender metaphors in the architecture of the modern city", *News of the KSUAE*, no. 2 (40), pp. 86–94.
13. Koryakovskaya, N. (2008), "Architecture is ruled by gender: a lecture by Aaron A. Betsky at the Winery", *ARCHI.RU*, available at: <https://archi.ru/russia/5752/arhitekturoi-pravit-gender-lekciya-aarona-a-becki-na-vinzavode> (accessed 30.06.2021).

Information about the author.

Alla V. Yurieva – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 B. Morskaya str., St Petersburg 181186, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: philosophy of architecture, semiotics of culture, space and time in philosophy and architecture.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.07.2021; adopted after review 15.09.2021; published online 24.02.2022.*